

**ВЛАДИМИР ЯКУНИН,
ВАРДАН БАГДАСАРЯН,
СТЕПАН СУЛАКШИН**

“ПЕРЕХОДНАЯ ЭКОНОМИКА”: ДВЕ МОДЕЛИ*

Россия далеко не единственная страна, чья экономика идентифицируется в качестве переходной. Сходные стратегические задачи реформирования решает группа государств, относимых прежде к мировой системе социализма. Сравнение достигнутых в них результатов позволяет оценить правильность или успешность избранной Россией экономической стратегии развития.

Существующая в мире вариативность реформирования экономик позволяет посмотреть на российские реформы с позиции возможных альтернатив. Речь, прежде всего, идет об оценке двух моделей осуществления системного перехода – восточноевропейской и китайской. Первая, проведенная по формулам МВФ на основе методов “шоковой терапии”, подразумевала кардинальную и одномоментную переориентацию на рельсы рыночной экономики. В соответствии с той же стратегической парадигмой выстраивалась экономическая политика в постсоветской России. Вторая, китайская модель, выстраиваемая в режиме постепенных трансформаций, конструировалась на основе преемства по отношению к дореформенной системе. Не разрушать до основания, и только затем... строить, а преобразовывать имеющийся механизм.

Исследовательская цель авторов – сопоставить степень успешности различных моделей перехода. В связи с этим прояснить ситуацию относительно того, правильный ли вектор осуществления преобразований был избран в России?

---

* Главы из книги В. И. Якунина, В. Э. Багдасаряна, С. С. Сулакшина “Идеология экономической политики”. М., Научный эксперт, 2008.

ЯКУНИН Владимир Иванович родился в 1948 году в городе Меленки Владимирской области. Окончил Ленинградский механический институт. Президент ОАО «РЖД». Председатель Попечительского совета Центра национальной славы и Фонда Андрея Первозванного. Научный руководитель Центра проблемного анализа и государственно-управленческого проектирования.

БАГДАСАРЯН Вардан Эрнестович родился в 1971 году в городе Кольчугино Владимирской области. Окончил исторический факультет Московского педагогического университета. Доктор исторических наук. Член-корреспондент РАЕН. Заведующий кафедрой истории и политологии МПУ.

СУЛАКШИН Степан Степанович родился в 1954 году в Томске. Окончил радиофизический факультет Томского государственного университета. Доктор политических наук, профессор. Избирался народным депутатом СССР, депутатом Государственной думы РФ. Генеральный директор Центра проблемного анализа и государственно-управленческого проектирования.

Медленные черепахи и быстрые зайцы

Методологическую основу для понимания объективного характера переходных этапов развития предоставляет теория модернизации. В настоящее время исследователями выделяются две модели модернизации — либеральная и консервативная. Отличительной особенностью последней в экономическом аспекте являлась особая роль государства, социальный патернализм, идеократическое стимулирование трудовой деятельности. Именно консервативная модель модернизации осуществлялась в СССР и других странах, традиционно относимых к социалистическому лагерю. В условиях стартового отставания от индустриально развитых государств Запада данный выбор позволил аккумулировать ресурсы для достижения форсированной динамики развития¹. Экономические показатели стран социализма позволяют, по меньшей мере, говорить о конкурентном потенциале консервативной модели модернизации. Однако концентрация усилий на обеспечении форсированных показателей не могла быть долгосрочной. При выполнении модернизационных задач административное регулирование должно было быть модифицировано. Переход от форсированно-мобилизационной системы к системе устойчивого развития составлял основную задачу предстоящего реформирования.

Между тем Запад вступил еще в 1960–1970-е гг. во вторую историческую фазу модернизации. Ее смысл заключался в переходе от индустриальной к постиндустриальной экономической системе². Соответственно, решение новых модернизационных задач актуализировалось и для стран социалистического лагеря. По показателям роста ВВП они еще шли вровень с западным миром. Но перспективы дальнейшего отставания определялись осуществленным на Западе массовым внедрением новых постиндустриальных технологий, приведших к структурным изменениям в экономике. Перед лидерами социалистических государств встал вопрос о выборе модели модернизации. Предстояло конструирование сложной управленческой системы организации постиндустриального прорыва. Именно к такому конструированию еще с конца 1970-х гг. приступили вожди коммунистического Китая³.

По более легкому, казалось бы, пути (проторенной дороге) пошли реформаторы в СССР и странах Восточной Европы. Опыт консервативной модернизации по преодолению отставания при переходе к индустриальному обществу совершенно не брался в расчет. Сама возможность использования компонентов такого сценария была идеологически осуждена под лозунгом “тоталитарной экономики”. Базовой моделью постиндустриальной модернизации была избрана экономическая система Запада, причем не в ее современном виде, а в прообразах начальной стадии капиталистического развития. В настоящее время можно уже уверенно констатировать, что избранная модель не только не способствовала решению новых модернизационных задач, но задала прямо противоположный вектор структурных модификаций.

На существование двух вариантов преобразований в странах с экономической переходного типа указывает нобелевский лауреат Дж. Стиглиц. Различие подходов видится ему прежде всего в скорости реформирования. Школа “шоковой терапии” противостояла позиции “постепенщиков”. “Шоковые терапевты” пользовались, по свидетельству Стиглица, мощной поддержкой Министерства финансов США и Международного валютного фонда, что и предопределило в большинстве случаев принятие именно их экономической программы. Мудрость постепенного подхода была признана уже постфактум разразившихся кризисов. Хотя и “постепенщики”, верно предсказав негативные последствия программы “шоковой терапии”, недооценивали масштабы грядущей катастрофы. “Медленные черепахи обогнали быстрых зайцев”, — резюмировал практический итог дискуссии Стиглиц⁴.

Разрушать или реформировать?

Сравнительное сопоставление динамики экономик социалистических стран позволяет поставить под сомнение сложившийся современный стереотип об абсолютной хозяйственной неэффективности системы социализма. Демонстрируемые ими темпы экономического роста были заметно выше, чем в развитых по рыночным критериям государствах Запада. Другое дело, что значительно хуже были стартовые условия развития. Но существующий разрыв

год от года сокращался. Явные опережающие темпы экономического роста соцстран демонстрировались как в промышленном, так и в аграрном секторах. Запад же несколько компенсировал свою стагнацию, более динамично развиваясь по направлению сферы услуг.

В качестве “экономического чуда” принято оценивать высокую динамику ВВП в послевоенной Японии 1960–1970-х гг. Однако, например, Румыния при Н. Чаушеску имела гораздо лучшую темпоральную статистику. О румынском “экономическом чуде”, противоречащем неолиберальным стереотипам, говорить, конечно, “не принято”. Для сравнения, постреформенная Румыния только к середине 2000-х гг. вышла на уровень показателей 1980 г.

Дезавуирование советской консервативной модели модернизации имело под собой в большей степени не экономические, а идеологические основания. Бесспорно, система нуждалась в реорганизации, связанной прежде всего с развитием экономического стимулирования и частной инициативы.

Но следовало ли подрывать саму несущую конструкцию государственно-го вклада в управление экономическим развитием? Неизбежен вопрос: не являлась ли настоящим замыслом в значительной степени навязанных формул глобальных перемен не реформа, а подавление военного и социально-экономического конкурента Западу и его лидеру США? Борьба с “империей зла” как таковой?

В Китае советам Запада не вняли, избрав свой вариант постепенного преобразования, система не была сломана, была сохранена и постепенно реформировалась, обеспечив поступательное развитие без катастрофических спадов, подобных тем, которые наблюдались в Восточной Европе⁵. Попытку подобной методологии реформирования предпринимает и Белоруссия.

“Шок – это по-нашему”

Само понятие “шоковая терапия” впервые было сформулировано и практически применено в Польше⁶. Ее главный теоретик – видный адепт монетаризма Дж. Сакс⁷. Впоследствии он признавался, что универсализм монетаристской рецептуры не срабатывал во многих случаях реформационной деятельности.

“Шоковая терапия”, теоретически выстроенная на модели развитой рыночной системы, не учитывала реалий социальных отношений государств с экономикой переходного типа. Так, уровень доходов населения социалистических стран Восточной Европы был заметно ниже, чем в государствах Запада. Однако по наполненности потребительской корзины наблюдался примерный паритет. Пищевой рацион восточноевропейцев даже превосходил по критерию калорийности питание населения западных стран. Если на Западе материальное благосостояние складывалось главным образом из личных доходов граждан, то в социалистических государствах – в комбинации с государственными дотациями. Так, в Польше периода борьбы с советским социализмом профсоюз “Солидарность” потребители оплачивали лишь пятую часть стоимости молока, центрального отопления и других услуг ЖКХ. Остальные расходы брало на себя государство. Только дотации на продукты питания составляли по странам Восточной Европы 5% ВВП. Для СССР этот показатель и во все доходил до 12%. Естественно, что либерализация цен привела к резкому падению уровня жизни большинства. Парадокс заключается в том, что целевая установка реформ была ориентирована на достижение материальных жизненных стандартов западного человека. Результат получился прямо противоположным ожидаемому. Качество жизни населения Восточной Европы на сегодняшний день ниже по основным индикаторам, чем в Западной. В Болгарии, например, вследствие шокотерапевтической либерализации к 1996 г. за официальной чертой бедности находилось 80% населения⁸.

Доктрина приватизации любой ценой также подрывала основы социально-экономической устойчивости стран Восточной Европы. К началу реформ доля госсектора в промышленном производстве варьировала от 82% в Польше до 97% в Чехословакии. Особенно большие проблемы вызвал приватизационный процесс в сфере промышленности. У населения попросту отсутствовали такие деньги, на которые было бы возможно купить акции индустриальных гигантов, комбинат в польской Новой Гуте или румынском Галаце. В условиях дефицита капиталов основным механизмом приватизационного процесса явилось наде-

ление населения ваучерами (бонами, сертификатами), дающими право на долю государственной собственности. В результате ваучерной, то есть бесплатной, приватизации главное назначение перевода госсобственности в частные руки, заключающееся в инвестировании соответствующих экономик, реализовано не было. Инвестиционного толчка для развития хозяйственных статей госбюджета не последовало. Наоборот, вследствие урезания расходных статей госбюджета экономики восточноевропейских стран недофинансировались.

Не получилось и реализации выдвигаемой в рамках концепта рыночного социализма идеи всеобщего распространения среди граждан статуса акционеров. Преодоление классического для политэкономии марксизма антагонизма труда и капитала выдвинулось в распространении на трудящихся посредством ваучеризации акционерного участия в доле собственности. На практике трудящиеся так собственниками и не стали.

Повсеместное распространение в восточноевропейских странах получило создание приватизационных фондов (по существу холдингов), организовавших массовую скупку ваучеров. Во главе их стояли люди, входившие в круг партноменклатуры. В Чехии, например, 40% приватизационных чеков оказались сосредоточены в десяти фондах, что подразумевало распределение между ними соответствующей долевой части разгосударственного народного хозяйства страны. Повсеместное для Восточной Европы значение криминально-коррупционного фактора в приватизационных процессах позволяет классифицировать его как универсальную черту форсированного (“любой ценой”) разгосударствления.

Государственное руководство восточноевропейских стран одумалось несколько ранее, чем это происходит в России. Так, в Румынии и Болгарии дальнейшая приватизация была приостановлена еще в 1995–1996 гг. Характерно, что именно после этого в них наступил перелом от отрицательной динамики ВВП к положительной.

К моменту завершения реформационного процесса доля госсобственности в экономике стран Восточной Европы оказалась существенно выше, чем в России. В наиболее продвинувшейся в реформировании системы социализма Польше к 1996 г. частный сектор составлял лишь 56%. В более консервативной Румынии он и вовсе находился на отметке 35%. И это при том, что, по сравнению с СССР, уровень этатизации экономики был в восточноевропейских странах ниже, а ниша частной собственности, пусть и в крайне ограниченном масштабе, существовала и в дореформенный период.

Негативные последствия имело разрушение кооперативной системы в аграрном секторе. Кооперация, представлявшая собой универсальный путь аккумуляции ресурсов в сельскохозяйственном производстве, была отнесена реформаторами к порокам социализма. Возникшие в ходе реформы мелкие наделы частных хозяйств отличались крайней неэффективностью. Для большинства из них была характерна инволюция от товарного производства к натуральному. Вектор развития был задан, таким образом, не в сторону перехода к рыночной экономике, а в противоположном направлении реанимации дотоварного уклада. До настоящего времени в аграрном секторе некоторых из восточноевропейских стран все еще сохраняется (вот уже более 15 лет) отрицательная динамика⁹.

Начало перестроечного процесса и реформ в Восточной Европе проводит четкую грань в соотношении динамики ее развития с мировыми показателями. Если еще в середине 1980-х гг. восточноевропейские страны опережали в целом по темпам роста ВВП западноевропейские, то к началу 1990-х гг. соотношение уже принципиально изменилось. Запад Европы продолжал развиваться в прежнем ритме, тогда как на Востоке случился обвал¹⁰. Не в этом ли сбое экономического развития одной из конкурирующих сторон в глобальном соперничестве двух систем стоит искать истинные причины реформационного радикализма, стремление навязать восточноевропейским странам и России советы по использованию неолиберальной модели, которая в таком виде не существовала ни в самих США, ни в западноевропейских государствах?

Казалось бы, посткризисный восстановительный рост в 1990-е гг. должен был, по меньшей мере, компенсировать отрицательную динамику периода “шоковой терапии”.

Однако этого не произошло. Посткризисные темпы роста ВВП оказались в целом ниже по отношению к переломному в направлении спада году функ-

ционирования социалистического хозяйствования соответствующих государств¹¹. Могут возразить, что для оценки подлинной эффективности реформ недостаточен указанный временной лаг. Тогда компенсационный подъем должен бы быть зафиксирован с несколько большей задержкой во времени. Но и с началом второго постреформенного десятилетия бурного развития восточноевропейских экономик не последовало. Доля Восточной Европы в мировой хозяйственной системе последовательно снижается. Ее геоэкономическая роль падает¹². В ранжировке экономик по общему объему ВВП все восточноевропейские страны сместились на более низкие по отношению к советскому периоду места¹³. Таким образом, можно констатировать, что либеральные реформы ни в одной из стран Восточной Европы себя не оправдали. Их цели не были достигнуты. Траектория постреформенного развития принципиально отличалась от прогнозируемой.

Еще более катастрофические последствия для национальных экономик имел опыт неолиберального реформирования на постсоветском пространстве. Большинство бывших республик СССР, включая Россию, по сей день не достигли показателей общего объема ВВП советского времени. Для части из них даже уровень 1980 г. пока остается недостижимым ориентиром.

Напомним, что после окончания Великой Отечественной войны для восстановления довоенных показателей развития экономики Советскому Союзу хватило пяти лет. С начала же неолиберальных реформ минуло уже, выражаясь госплановской терминологией, более трех пятилеток. Характерно, что среди тех республик бывшего СССР, которым всё же удалось перекрыть экономические показатели 1990 г., находятся Белоруссия, Узбекистан и Туркмения – государства, избравшие наименее радикальную модель интеграции в рыночную систему. Представляя Советский Союз, его субъекты имели значительно более весомые экономические позиции в мире, чем после обретения государственной независимости. Их доля в мировом ВВП и места, занимаемые в мировом ранжировании национальных экономик, существенно понизились по отношению к советской эпохе. Только Туркменистану (традиционно критикуемому за недостаток демократизма) удалось удержаться в итоге на той же позиции, которую он занимал прежде¹⁴.

Китайская модель

В целях оправдания реформаторской практики в России в общественное сознание активно внедряется концепт о невозможности при проведении реформ обойтись без временного спада. Масштабы этого спада будто бы запрограммированы степенью болезни реформируемой системы. Для более продвинувшегося в реализации коммунистической доктрины СССР объективно предполагалось якобы и более глубокое кризисное погружение, чем для сохранивших элементы частнокапиталистического уклада восточноевропейских государств¹⁵.

Однако опыт реформирования Китая, связанного, как и Советский Союз, с традицией экономики огосударственного типа, показывает, что кризисы при переходе от административно-командной к рыночной модели вовсе не обязательны. Напротив, умелое проведение реформ может само по себе явиться стимулирующим фактором, катализирующим экономическую динамику. Процесс реформирования в КНР растянулся уже на треть столетия и по сей день еще не завершен. За весь этот период не было зафиксировано ни одного экономического спада. А между тем большая реформа по переходу Китая к рыночной экономике включала пять этапов (1978–1984, 1984–1992, 1992–1997, 1998–2002, с 2002 г.), каждый из которых обладал в рамках единой долгосрочной стратегии среднесрочным замыслом¹⁶. Конечно, за 30-летний период имелись и некоторые естественные замедления в темпах роста, но ничего подобного обвалу экономик стран Восточной Европы Китай за это время не знал¹⁷.

Россия имела реальный шанс избрать для себя китайскую модель реформирования. Предпочтение, как известно, было отдано неолиберальной монетаристской схеме. Ответ на вопрос, какая из альтернативных моделей реализации единой, казалось бы, стратегической установки перехода к рыночной системе более эффективна, наглядно иллюстрирует сопоставление динамики развития китайской и российской экономик в период реформ. К началу ре-

форм КНР отставала по показателю ВВП от РСФСР на 23%. Менее чем через десять лет, к 1997 г., — уже превосходила российский уровень в 6,5 раза. Последовавший затем в России дефолт позволил КНР обойти ее на некоторое время и по уровню душевого валового продукта¹⁸.

В отличие от России, волновой эффект восточноазиатского кризиса не так сильно затронул китайскую экономику. Если в 1980 г. Китай по объему ВВП находился на 10-м месте, то в 1990 г. — уже на 3-м, а в 2000 г. вышел на вторую строчку, потеснив Японию. Прогнозируется, что китайская экономика в ближайшее десятилетие обгонит американскую. В действительности она ее уже обогнала. 83% в структуре валового продукта в США составляют услуги — сектор условного производства, фиктивного капитала и фантомных величин. Так вот, при обоюдном вычете ВВП, связанного со сферой сервиса, Китай окажется выше в мировой экономической иерархии, чем Соединенные Штаты¹⁹.

Одной из монетаристских установок, реализуемых в экономических реформах стран Восточной Европы, являлась борьба с дефицитом госбюджета. Китайские реформаторы, на их счастье, не были связаны стереотипами монетаризма. Бюджетный дефицит признавался не только нормальным явлением, но крайне необходимым условием для динамичного развития экономики. Такая ситуация сохраняется в КНР на всем протяжении реформ, коррелируя с высокими темпами экономического роста. Характерно, что именно с началом реформ, стартовавших в Китае с ноябрьского пленума ЦК 1978 г., расходы в бюджете стали превышать доходы, хотя до этого поддерживалось положительное сальдо. Китайская бюджетная политика могла бы дать основания современным представителям высшей государственной власти в Российской Федерации серьёзно задуматься о целесообразности доктрины профицита любой ценой²⁰.

“Осторожность, постепенность и настойчивость” явились базовыми качествами китайской модели реформирования. Установка на сочетание плана и рынка была провозглашена в КНР ещё в начале 1980-х гг. Причём в лозунговой стратигеме пояснялось, что “плановая экономика — главное, а рыночная — второстепенное”. Разграничивались сферы различных уровней планирования — полного директивного регулирования, частичного и направляющих плановых заданий. Возникший в ходе реформ частный сектор не был предоставлен стихийной саморегуляции. Механизм управления рыночным хозяйством поясняла следующая формула: “Государство регулирует рынок, а рынок ориентирует предприятие”. Рынок, таким образом, не противопоставлялся, как в Восточной Европе, государственному управлению, а определялся в качестве одной из важнейших ее ниш²¹.

Китайская система экономики по-прежнему идентифицируется как социалистическая. “Только социализм может развить Китай”, — подчеркивали идеологи реформ после событий на Тяньаньмыне²². Необходима оговорка, что часто “социализм” понимают в рамках советской ортодоксальной экономической модели, не допускающей практически никакой собственности, кроме государственной (кооперативно-колхозная не в счет, ввиду всех фактических признаков и ее огосударствления). Китайский социализм с ортодоксальных позиций не является чистым социализмом, поскольку это форма смешанной экономики со значимой ролью государства в управлении экономическим развитием.

Об уровне государственного регулирования можно судить хотя бы по тому, что государство не только продолжает планировать производство важнейших видов промышленной продукции, но и устанавливает их цену. Только государство обладает правом осуществления закупок у производителей в аграрном секторе основных для Китая сельскохозяйственных культур, причем по им же устанавливаемым ценам²³.

Парадигму реформирования в сельском хозяйстве составило развитие семейного подряда. Популяризуемый в СССР в период перестройки, он оказался совершенно не востребованным в неолиберальной экономической политике постсоветского периода. “Переход к семейному подряду, — констатируют в связи с анализом опыта китайского реформирования в аграрной сфере современные российские исследователи, — позволил накормить и одеть население. Сборы зерна выросли с 1979 по 1984 г. с 300 млн до 400 млн т; на душу населения — с 300 кг до 400 кг в год. Доходы крестьян за это время увеличились втрое. По оценкам специалистов, это был самый большой рост благосостояния народа, достигнутый за столь короткий срок”²⁴.

Другим реформаторским концептом в развитии села явилось учреждение “поселковых предприятий”. Данный феномен связан с древнекитайской традицией занятия крестьян ремесленным производством. В итоге реформ удалось добиться беспрецедентной для мировой экономики интеграции ее секторов – весомое включение села в общий объем промышленных показателей. Поселковые предприятия специализируются на производстве товаров массового потребления. Заполнивший весь мир китайский ширпотреб в значительной своей части произведен в деревнях. Уже к концу 1980-х гг. “поселковые предприятия” давали 20% промышленной продукции КНР. Их удельный вес в валовом доходе деревни превысил половину от общего объема. Последнее означает, что промышленная производительность китайских крестьян оказалась даже выше непосредственно связанного с их социальным положением земледельческо-животноводческого направления трудовой деятельности²⁵.

В отличие от монетаристски ориентированных реформаторов Восточной Европы, китайские идеологи реформ воздерживались от любого теоретического универсализма экономической политики. На уровне съездов КПК регулярно подчеркивалась особая китайская специфика построения социализма. По сути, речь шла о цивилизационной исторической адаптированности экономической системы²⁶.

Экономические реформы в Китае, в отличие от стран Восточной Европы, не сопровождалась политическими трансформациями. О том, что одновременная реорганизация этих сфер может привести систему в состояние неустойчивости, хорошо известно. Данное положение является классическим в теории реформирования. Для практической реализации реформаторского замысла нужно по меньшей мере наличие политического ресурса. В противном случае сама реформа попросту не состоится, а вместо нее случится системный обвал. Сохранение власти КПК в Китае следует признать фактором успешности экономической политики. Флагманы частного бизнеса в КНР являются так же, как и государственные чиновники, членами компартии. Государственные плановые задания для них как коммунистов составляют в современном Китае управленческую норму. Этим во многом объясняется то, каким образом КНР удается проводить политику административного (даже не индикативного) регулирования частного, инкорпорированного в рынок сектора экономики²⁷.

По большому счету форма собственности в Китае имеет номинальное значение. Деление на государственный и частный сектора во многом условно. Последний из указанных секторов в той же мере ориентирован на решение общих задач партии и правительства, как первый. Поэтому статистика, которая говорит о 18% занятых на государственных предприятиях и 40% доли государства в валовом национальном продукте, хотя и превосходит соответствующие российские показатели, но не отражает распределения реального управленческого механизма в экономике.

Характерно, что само понятие “приватизация”, содержащее диссонирующие с китайским менталитетом частнособственнические мотивации, имеет в КНР отрицательное значение. “Важно констатировать, – пишут исследователи современных экономических трендов Китая А. С. и Н. А. Селищевы, – отсутствие резких скачков в “деэтатизации” (разгосударствлении) ведущего сектора экономики страны – промышленности. Сдвиг в пользу негосударственных укладов достигнут относительно постепенно, за счет их более быстрого развития, а не путем форсированного перевода государственных предприятий в негосударственные. Эта очевидная специфика преобразований в Китае в сравнении с Россией позволила полностью избежать процесса сворачивания производства в массовых масштабах и деиндустриализации народного хозяйства”²⁸.

Китай по сей день выстраивает свою экономическую политику по пятилетним планам. В Восточной Европе возобладали “рыночный фундаментализм”. Реформаторы повели борьбу с системой планирования, как с проявлением командно-административного строя. Беря за образец экономику Запада, они упускали из виду существование там планирующих структур, многообразие форм плановых заданий и рекомендаций. Создавалась иллюзия о саморегулирующемся характере функционирования западной экономики. Идеальные принципы были приняты за выражение реальных сторон экономической организации Запада. Это было ошибкой.

Белорусская перспектива

Особую угрозу из всех бывших республик СССР форсированная либерализация представляла для экономики Белоруссии. Выполнявшая функцию “советского сборочного цеха”, она, при демонтаже промышленных инфраструктур, была обречена на экономический коллапс. Развитие в неолиберальном формате было приостановлено с избранием на пост президента в 1994 г. А. Г. Лукашенко. Сейчас даже на Западе, где современную Белоруссию оценивают критически, говорят о белорусском “экономическом чуде”. Международный валютный фонд вынужден был с изумлением признать, что белорусская экономика развивается быстрее китайской (11% роста ВВП против 9,5%, по данным за 2005)²⁹. Опыт Белоруссии особенно интересен для России, как указание на возможность интенсивного развития экономики переходного типа другими способами, чем только за счет ставки на экспорт сырья. Существенными запасами природных ресурсов западный российский сосед, как известно, не располагает.

В целях дезавуирования экономической политики А. Г. Лукашенко в общественное сознание активно внедряется мифологема о взращивании “белорусского чуда” дешевым российским сырьем – нефтью и газом. Бесспорно, дешевизна поставок обеспечивала благоприятную экономическую конъюнктуру, но она не явилась определяющим фактором. Ею не воспользовалась, например, находившаяся в сходных преференционных условиях получателя российского сырья Украина. Да и сама Россия – и прежде всего именно Россия! – владеющая дешёвыми источниками сырья и энергии.

Близкая по хозяйственной инфраструктуре к Белоруссии, лежащая к востоку от неё Смоленская область остаётся в настоящее время стагнирующим дотационным регионом. К тому же зависимость белорусской экономики от нефтегазового экспорта, при его бесспорной значимости, сильно преувеличена. Из всех европейских республик бывшего СССР Белоруссия, судя по структуре конечного потребления энергии, наименее зависима от нефти и газа³⁰.

А. Г. Лукашенко, уже в 1994 г., придя к власти, обозначил в качестве приоритета не проведение реформ, как это провозглашали другие государственные руководители на постсоветском пространстве, а экономическое развитие. Формулировалась задача “запустить остановившиеся заводы”. На начальной стадии был приостановлен процесс приватизации. Принцип государственного контроля провозглашался президентом базовым в его экономической политике. Вопреки монетаристской рецептуре, ни радикальной либерализации рынка, ни масштабного разгосударствления экономики в Белоруссии не проводилось. 75% промышленности республики находится в настоящее время в собственности государства. Более значительные позиции госсектора на постсоветском пространстве имеются только в Туркменистане. Действуя прямо противоположно рекомендациям МВФ, Белоруссия, тем не менее, достигла значительных лучших результатов в сравнении с теми новообразованными независимыми государствами, которые выстраивали экономическую стратегию по неолиберальным схемам. Уже в 1996 г. Белоруссия добивается перелома отрицательной динамики ВВП. В Российской Федерации в это время еще продолжалось сокращение объемов валового продукта. Украина, для сравнения, и вовсе смогла остановить падение лишь четыре года спустя. Дефолт рубля 1998 г., хотя и повлиял с годовым временным лагом на белорусскую экономику, но не настолько, чтобы изменить восходящий вектор развития. Прослеживаемая в 1990–е гг. асинхронность экономического роста в Белоруссии и России также указывает на необоснованность тезиса о белорусском паразитировании в отношении экономики России³¹.

Выстроенную А. Г. Лукашенко модель управления экономикой не вполне оправданно было бы трактовать, как это делают критики современной белорусской политики, в качестве социалистической. Характерные для советского периода административные управленческие рычаги сочетаются в ней с кейнсианскими механизмами рыночного опосредованного регулирования. Классикой кейнсианства можно считать используемые белорусским правительством инструменты управления: государственные инвестиции, субсидиарность, стимулирование спроса, активную политику доходов, дефицитный бюджет. Как апробацию для России некейнсианской модели оценивают некоторые эксперты осуществляемый в Белоруссии экономический эксперимент. “Мож-

но предположить, — пишет один из критиков политики А. Г. Лукашенко Л. Заико, — что на смену российскому монетаризму придет мутантное марксистское кейнсианство “белорусской чеканки”³².

К распространенным мифологемам можно отнести и представление об автаркичности белорусской системы. Автаркия в данном случае необоснованно смешивается с авторитаризмом. В действительности четверть выпускаемой в Белоруссии промышленной продукции идет на экспорт (35,7% — в машиностроении, 53,7% — в химической промышленности и т. д.). Для сравнения, восточноевропейским странам, за редким исключением, не удается масштабно реализовывать на внешнем рынке указанную группу товаров. Откровением для многих может явиться тот факт, что Белоруссия относится к числу самых торговоориентированных государств современного мира. Торговля составляет в белорусской экономике 65,3% от уровня ВВП (13-е место). Из европейских стран ее по этому показателю опережает лишь Бельгия³³.

Сообразно с логикой теории “открытого общества” авторитарная, да к тому же с перманентным бюджетным дефицитом, Белоруссия никак не должна иметь высокого уровня инвестиционной привлекательности. Без установления режима либеральной демократии инвестиции якобы в страну не придут. На самом деле благоприятный инвестиционный климат связан не с форматом государственной системы, а с ее стабильностью. Внедряемая на постсоветском пространстве саморегуляционная модель рынка как раз такой стабильности и не обеспечивает. Динамика притока инвестиций в белорусскую этатизированную экономику заметно лучше, чем в продвинувшейся в реализации неолиберальных реформ России³⁴. Правда, долевая роль иностранных инвесторов в общем объеме инвестирования в Белоруссии не столь велика, но структурно сопоставима с ее уровнем в России. И это при тех санкциях, которые принимаются в отношении белорусской экономики на Западе.

Принципиальные отличия между Белоруссией и Россией прослеживаются по структуре хозяйственной организации. Белорусская модель близка к идеалу “физической экономики”, описанной Л. Ларушем. В хозяйственной структуре Белоруссии более весомое, по сравнению с Россией, долевое значение имеют отрасли реального сектора экономики. Аналогичные системообразующие принципы производства ВВП реализуются в Китае. Российская экономическая модель, напротив, опережает белорусскую по таким направлениям виртуального развития, как торговля, финансовая деятельность, предоставление услуг. Не в акцентировке ли на реальное производство, долевой секторальный охват которого в настоящее время крупнейший в Европе, следует искать основы белорусского “экономического чуда”³⁵.

Экономическая политика Белоруссии в наибольшей степени среди всех бывших республик СССР соответствует нормативам социального гуманизма. Она имеет самый высокий темп роста заработной платы в Европе. Уровень бедности в республике — наименьший на всем постсоветском пространстве. Коэффициент Джини в Белоруссии вообще один из самых низких в мире (3-е место в Европе после Дании и Швеции). Минимизирован, по отношению к мировым показателям, уровень безработицы. Пищевой рацион белорусов значительно лучше, чем у россиян. Если на 100 российских семей приходится 35 легковых автомобилей, то на 100 белорусских семей — 53 (также лучший показатель по бывшим республиками СССР)³⁶.

Несмотря на эти, казалось бы, очевидные успехи, оперирующие монетаристскими стереотипами экспертные организации Запада оценивают экономику Белоруссии по соответствующим индексам крайне низко. Так, Правый центр предпринимательства США в традиционной ранжировке государств по Индексу экономической свободы ставит ее на 151-е место из 161. Россия в этом списке стоит на 122-й, а Украина на 99-й позиции. Украинский вариант экономического развития, очевидно, представляется западным экспертам более предпочтительным. Британское издательство “Economist Intelligence Unit”, выстраивая шкалу индекса “качества жизни”, характеризует Белоруссию как одну из наименее развитых в социально-экономическом отношении стран мира. В списке из 112 стран она помещается на 100-м месте рядом с Угандой и Ботсваной. Впрочем, России отведено британскими экспертами еще более низкое положение — 105-е место.

Очевидно, что методология исчисления такого рода индексов, которая расходится в результатах с элементарной статистикой, да и со здравым смыс-

лом, должна быть оценена как ошибочная или, что также возможно, как идеологически манипуляционная³⁷.

Реформы в России неудачны не только ввиду почти повсеместного ухудшения экономических показателей, но и по причине невыполнения продекларированных самими реформаторами главных целевых установок.

* * *

Реформы сами по себе не могут определяться в качестве цели. Они – инструмент, средство достижения поставленных задач. Об этом не забывают, в частности в Китае, соотнося логику осуществляемых вот уже 30 лет преобразований с общей целевой установкой экономического развития. Реформы, не ориентированные на результат, превращаются в разрушение. Неолиберальные реформаторы повсеместно на постсоциалистическом пространстве Восточной Европы и СССР подменили цель средствами. Реформы приобрели в деформированной ими ценностно-целевой иерархии самостоятельное значение. В итоге они не только не оказались инструментом экономического развития, но стали препятствием для него.

Можно констатировать, что из двух моделей перехода к новой общественной системе в России была избрана худшая. Ни одна из стратегических целей перехода не была достигнута. Именно провал переходного развития привел к системной геоэкономической рокировке. На занимаемое прежде СССР место второй экономики мира переместился Китай. Россия же по сей день не может оправиться после реформ 1990-х гг. Провал переходного периода стоил ей потерянных десятилетий в мировой экономической гонке.

Примечания

- 1 Агурский М. С. Идеология национал-большевизма. Париж, 1982; Вишневский А. Г. Серп и рубль: Консервативная модернизация в СССР. М., 1998; Дугин А. Г. Консервативная революция. М., 1994; Красильщиков В. А., Гутник В. П., Кузнецов В. И. и др. Модернизация: Зарубежный опыт и Россия. М., 1994. С. 6–21; Побережников И. В. Модернизация: Теоретико-методологические подходы // Экономическая история. Обзорение. М., 2002. Вып. 8. С. 146–168; Опыт российских модернизаций. М., 2000. С. 11–45.
- 2 Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество. М., 1999; Новая постиндустриальная волна на Западе: Антология. М., 1999; Тоффлер Э. Новая волна. М., 1999; Он же. Шок будущего. М., 2002.
- 3 Авдокушин Е. Ф. Теоретические основы экономической реформы в КНР. М., 1990; Борох О. Н. Современная китайская экономическая мысль. М., 1988.
- 4 Стиглиц Дж. Народ России платит цену шоковой терапии // <rusref. nm.ru>.
- 5 Иоффе Я. А. Мы и планета: Цифры и факты. М., 1988. С. 84–85.
- 6 Куклинский А. Экономические преобразования в Польше: Опыт и перспективы (1990–2010 гг.) // Проблемы теории и практики управления, 2001. № 1.
- 7 Сакс Дж. Рыночная экономика в России. М., 1995; Он же. Кому грозит коррумпированная Россия // Московские новости. 1995. № 87; Сакс Дж., Ларрон Ф. Макроэкономика: Глобальный подход. М., 1999.
- 8 Коровицына Н. В. С Россией и без нее: восточноевропейский путь развития. М., 2003.
- 9 Конотопов М. В., Сметанин С. И. История экономики зарубежных стран. М., 2007. С. 264–270.
- 10 Мир в цифрах: Статистический сборник. 1992. М., 1992. С. 7.
- 11 Мир в цифрах: Статистический сборник. 1992. С. 7; Россия и страны мира. 2006. С. 78.
- 12 Мировая экономика: Прогноз до 2020 года // Под ред. А. А. Дынкина. М., 2007. С. 384.
- 13 Там же. С. 386–394.
- 14 Мировая экономика: Прогноз до 2020 года. С. 370–371, 384–393.

- 15 Грегори П. Действительно ли реформы в России оказались столь неудачными? // Вопросы экономики. 1997. № 11.
- 16 Селищев А. С., Селищев Н. А. Китайская экономика в XXI веке. СПб., 2004. С. 107–139; Китай на пути модернизации и реформ. М., 1999; Новоселова Л. В. Инвестиционная политика и экономическая реформа в КНР. М., 1996; Пивоварова Э. П. Социализм с китайской спецификой: Итоги теоретического и практического поиска. М., 1999; Попов В. В. Шоко-терапия против градуализма: Конец дискуссии. М., 1999; Портяков В. Я. Традиции и рыночная экономика в современном Китае // Проблемы Дальнего Востока. 1996. № 3. С. 68–74; Ятань Е. Китайская традиционная культура и модернизация // Вопросы экономики. 1994. № 7. С. 142–152.
- 17 Селищев А. С., Селищев Н. А. Указ. соч. С. 133, 185–186.
- 18 Селищев А. С., Селищев Н. А. Указ. соч. С. 172, 174; Портяков В. Я., Сюй Минь. Экономические реформы: Китай и Россия // Восток. 1997. № 5. С. 75; Илларионов А. Секрет китайского экономического “чуда” // Вопросы экономики. 1998. № 4. С. 15.
- 19 Мировая экономика: Прогноз до 2020 года. С. 426–427.
- 20 Селищев А. С., Селищев Н. А. Указ. соч. С. 112, 115.
- 21 Дэн Сяопин. Основные вопросы современного Китая. М., 1988; Селищев А. С., Селищев Н. А. Указ. соч. С. 108, 113.
- 22 Портяков В. Я. Реформа отношений собственности в КНР // Проблемы Дальнего Востока. 1998. № 6. С. 55.
- 23 Новоселова Л. Экономическая реформа и государственное регулирование КНР // Проблемы Дальнего Востока. 1999. № 1.
- 24 Конотопов М. В., Сметанин С. И. Указ. соч. С. 248.
- 25 Там же. С. 247–250.
- 26 Лунев С. И. Социально-экономическое развитие крупнейших стран Евразии. Цивилизационный контекст // Восток–Запад–Россия. М., 2002. С. 161–185; Портяков В. Я. Традиции и рыночная экономика в современном Китае // Проблемы Дальнего Востока. 1996. № 3. С. 68–74; Ятань Е. Китайская традиционная культура и модернизация // Вопросы экономики. 1994. № 7. С. 142–152.
- 27 Пивоварова Э. П. Социализм с китайской спецификой: Итоги теоретического и практического поиска. М., 1999.
- 28 Селищев А. С., Селищев Н. А. Указ. соч. С. 114.
- 29 Доклад МВФ: Белорусское экономическое чудо // <inosmi.ru>.
- 30 Тенденции в странах Европы и Северной Америки: Статистический ежегодник ЕЭК ООН, 2003. М., 2004. С. 231.
- 31 Тенденции в странах Европы и Северной Америки: Статистический ежегодник ЕЭК ООН, 2003. С. 172; Россия и страны мира. 2006. С. 75.
- 32 Заико Л. Белорусское “экономическое чудо”: апробация неокейнсианской модели для России // <www.hrights.ru>.
- 33 Мир в цифрах. 2007. С. 22.
- 34 Страны Евразийского экономического сообщества. М., 2006. С. 25.
- 35 Россия и страны мира. 2006. С. 60, 82.
- 36 Россия и страны мира. 2006. С. 104, 105, 107, 116–123.
- 37 Ик С. Чем объясняется “экономическое чудо” Белоруссии? // <news.bbc.com>.